

Станислав
СЕНЬКИН

СОВЕРШЕННЫЙ
МОНАСТЫРЬ

Афонские рассказы

Афонские рассказы

Станислав Сенькин

**Совершенный монастырь.
Афонские рассказы**

«Автор»

2010

Сенькин С. Л.

Совершенный монастырь. Афонские рассказы / С. Л. Сенькин — «Автор», 2010 — (Афонские рассказы)

ISBN 978-5-9946-0062-7

Сборник «Совершенный монастырь» завершает цикл афонских рассказов Станислава Сенькина. Первые две книги – «Украденные мощи» и «Покаяние Агасфера» – за короткий срок выдержала несколько переизданий. Станислав Сенькин три года прожил на Святой Горе Афон. В своих рассказах автор, не избегая современных художественных приемов, повествует о жизни уникальной «монашеской республики». Наполненный юмором, любовью и тонким знанием быта святогорцев, новый сборник рассказов будет интересен и воцерковленному читателю, и только начинающему интересоваться православием неофиту.

ISBN 978-5-9946-0062-7

© Сенькин С. Л., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Обращение к читателям	6
Вразумление старого монаха	7
Мать	12
«Брак лакерды»	17
Доминиканец	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Станислав Сенькин

Совершенный монастырь.

Афонские рассказы

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Обращение к читателям

Доброжелательные отклики читателей и просьбы друзей побудили меня написать еще одну книгу рассказов о Святой Горе Афон. Много для меня значило и одобрение моих друзей-святогорцев. Хочу сказать вам, братья и отцы, отдельное спасибо и, конечно же, прошу ваших святых молитв.

Думаю, что это последняя книга данного цикла. К сожалению, я уже не смогу работать над новыми афонскими рассказами, не погрешив повторами и сходными сюжетами. Но над этой книгой я долго трудился и надеюсь, что она станет достойным продолжением первых сборников.

Я постарался использовать весь имеющийся у меня материал. В первую очередь, это мои собственные воспоминания о Святой Горе, а также рассказы старцев и святогорские предания.

Конечно, на этих рассказах лежит печать моего личного несовершенства, и читатель увидит Святую Гору моими глазами. Поэтому заранее прошу простить, если у кого-нибудь мои истории вызовут смущение или недоумение. Также хочу напомнить, что этот сборник рассказов, как и два прежних, – не аскетическое руководство, а художественное произведение.

Поэтому будьте снисходительны ко мне как к начинающему писателю и не судите строго за некоторые смелые утверждения.

Благодарю Господа за то, что сподобил меня закончить этот труд, Пресвятую Матерь Божию за то, что сподобила меня пожить на Святой Горе, афонских старцев за мудрые наставления и, конечно же, читателей, благосклонно принявших мои книги.

Надеюсь, что написанное послужит во благо и ко спасению душ, как ваших, так и моей.

Станислав Сенькин

Вразумление старого монаха

Солнце уже почти село; красноватый его отблеск возжег ветви кипарисов, отчего они стали напоминать рождественские елки. Города-монастыри и островки домиков-келий страны Афон источали повсюду неземную сладость – предчувствие будущего блаженства. Здесь даже атеист верил в Бога, хотя и пытался скрыть это. Уже слышался византийский звон колоколов и гул чугунных бил: в монастырях и кельях начиналась вечерня, духовная поэзия византийских гимнотворцев наполняла пространство храмов.

Но даже Святой Афон имеет свою прозу. Не во всех храмах Афона лилась молитва. Кто-то по слабости своей ленился встать на молитву, предпочитая почитать на ночь духовную литературу; кто-то был болен и нуждался в помощи Божьей сильнее, чем прежде...

Когда этим тихим вечером облезлый рыжий кот Мурзик подошел к своему блюдцу, в котором уже давно не появлялось молоко, он заметил, что оно, блюдо, еще и треснуло. Оно треснуло не от времени – это смерть прошла мимо и задела тарелочку. Трещина, как паутина злого, черного паука, проходила внутри миски, от которой исходил еле различимый запах кислого молока, больше похожий на сырный.

Мурзик жалобно заурчал и посмотрел на полуоткрытую молитвенную комнату, откуда уже долгое время не выходил его кормилец – старый неухоженный монах, носивший обычно рваную и грязную рясу. Мурзик был чистоплотен, запах старика ему не нравился, но сейчас он больше всего на свете хотел бы увидеть всклокоченную серебряную бороду кормильца и его широкую добрую улыбку.

Дело было даже не в еде: Мурзику для пропитания хватало змей, крыс и лягушек, а жажду можно было утолить из источника, который бил неподалеку. Тем не менее кот не разучился любить молоко. К тому же, ему так не хватало скупой, но искренней ласки старика!

А-а! Мурзик чуть не забыл о рыбе и сыре, что перепали ему по редким праздничным дням. Все это теперь ушло... А тут вдобавок и блюдо треснуло! Беда пришла в их келью!

Кот с опаской посмотрел на покосившуюся, давно не крашеную дверь покоев старика. Туда вход ему был строго воспрещен. Несколько раз за свое любопытство он получал от монаха тайком по спине и один раз даже больно-больно мухобойкой по морде.

Кот был понятливым и перестал посягать на личное пространство старца.

Но сейчас ситуация была не совсем обычной: старик не выходил из своих покоев уже несколько дней. Что-то было неладно!

Кормилец и раньше надолго задерживался в своей комнатке, но при этом подавал хоть какие-то признаки жизни: делал поклоны, разговаривал с кем-то, что-то бормотал... Правда, после этого долго молчал, очень долго, почти как сейчас.

Но не только по отсутствию молока и треснувшему блюдцу кот понял, что со старцем произошло что-то серьезное. Из кельи старика исходил еле уловимый запах опасности и тлена.

Этот запах и мертвая тишина в покоях кормильца заставили Мурзика послушаться старца и пробраться в запретную комнату. Он осторожно зацепил когтями низ приоткрытой двери и резко дернул на себя. Она поддалась, хоть и с усилием, но без скрипа, потому что старец регулярно смазывал петли маслом, чтобы и малейшие шумы не отвлекали его от молитвы. Кот внимательно и с опаской осмотрелся.

Лампада уже давно прогорела, медная кадильница полна была черными холодными углями. Лики икон с любовью и скорбью взирали на старца, неподвижно лежавшего на своем одре.

Кот неплохо разбирался в признаках жизни и смерти и понял, что его кормилец очень плох. Грудь его слабо вздымалась, дыхание было прерывистым. Руки старца лежали на груди,

и, судя по тому, как они судорожно вздрагивали, его мучили какие-то страшные видения. В комнате стоял тяжелый запах больного тела.

Смерть еще играла с ним, как сам он, Мурзик, бывало, играл с мышами-то придавливал их, то отпуская, давая призрачную надежду на жизнь.

Мурзик хорошо понимал игру смерти, но он не хотел отдавать ей своего кормильца. Он любил его по-своему, по-кошачьи – за сыр и молоко, за крышу над головой, за ту малую толику ласки, которой старец оделял его. Старик не был жестоким. Он никогда не бил Мурзика, а мухобойка и тапки не в счет – это было заслуженное наказание.

Кот собрался с силами и зашипел на смерть, пытаясь напугать ее, вырвать кормильца из ее рук, наивно полагая, что и сам имеет некоторую власть над жизнью и смертью. Усилия были тщетны – смерть не боялась его шипения.

Вдруг старик жалобно позвал: «Никодим!» Кот не понял, чего хочет кормилец, но поскольку в келье их было всего трое – сам старик, кот и смерть, Мурзик подумал, что зовут все-таки его, и быстро прыгнул на грудь кормильца, в которой еле-еле билось больное сердце.

Кот понюхал ворот его засаленной рясы и принялся тереться мордочкой о бородатое лицо старика, чего он раньше никогда себе не позволял. Но это не прибавило кормильцу жизни, хотя он и не сопротивлялся и даже, казалось, растрогался, сумев слабо вымолвить:

– Мурзик, котяка ты мой, не покинул меня.

Старик даже нашел в себе силы, чтобы провести заскоружлой пятерней по его шерстке.

– Если бы ты мог, скот бессловесный, принести мне воды и позвать Никодима, или хотя бы прочитать отходную...

Старец захлебнулся в отчаянном кашле, и испуганный кот спрыгнул с кровати. Кормилец стал звать на помощь, но его слабый голос не услышал никто, кроме кота...

Старец почувствовал себя еще хуже – сердце забилося с переборами, а дыхание почти остановилось:

– Никодим, «Костыль-нога», уж прости ты меня за давешнюю ссору, прости за все. Приди, помоги мне, или горькие придется проходить мне мытарства, а если... – старец начал бредить и потерял сознание.

Мурзик сидел в недоумении – он понимал, что смерти скоро надоест играть со стариком, и она его удушит. Скоро он придет в себя, а потом все! И помочь кот кормильцу никак не мог, хотя сочетание звуков «Костыль-нога» он хорошо знал.

Рядом с их кельей, метрах в двухстах, располагалась другая келья, около которой жил большой и злобный черный кот. От него Мурзику постоянно доставалось на орехи. Они часто дрались, пытаясь разделить территорию, так, что клочья летели. Обычно побеждал черный, и ветер насаживал на терновник клочья шерсти рыжего цвета. И вот! На территории заклятого врага Мурзика жил тот, кого кормилец называл «Костыль-нога».

Человек этот, по правде говоря, был более щедр, чем умирающий кормилец – питался он лучше, что сказывалось на качестве объедков для черного кота. Однако и тумачков черному коту доставалось не в пример больше. «Костыль-нога» бил его за воровство с кухни нещадно, отчего черный иногда хромал.

Вот тогда-то Мурзик, видя уязвимость врага, и наносил свой удар. Он подкарауливал черного кота в терновнике и набрасывался на него со всей силой, которая у него была. Они барахтались в колючей траве, пока Мурзик не брал верх. Затем они стояли друг перед другом, злобно урча и шипя, – каждый старался напугать и обратить противника в бегство. Черный кот, побитый ранее «Костыль-ногой», прихрамывая, осторожно пятился назад, давая понять злобно-желтым взглядом, что реванш неминуем, и Мурзик будет посрамлен.

Это были минуты торжества рыжего кота отца Гавриила!

Но сейчас ему было совсем не до этих победных воспоминаний – умирал его старый кормилец, с которым он прожил очень долго, лет семь-восемь! Если бы Мурзик умел думать

как человек, он бы догадался, что помочь кормильцу может тот самый «Костыль-нога». Но коты – не люди. Они всего лишь бессловесные твари. Но тут произошло то, что христиане всего мира называют чудом.

Отец Гавриил – хозяин Мурзика – понимал, что умирает. Он тихо и почти безнадежно молился Матери Божией. Монах давно не бывал у духовника, и нераскаянных грехов у него было много. Так уж получилось, что родился он семнадцатого декабря, в день памяти святой великомученицы Варвары, которой молятся об избавлении от наглой, внезапной смерти. Отец Гавриил считал великомученицу своей покровительницей. Он был ревностным монахом, но иной раз в голову его закрадывалась греховная мысль о том, что христианская кончина – безболезненная, непостыдная, мирная – ему уже как бы обеспечена.

Но случилось непоправимое: он умирал, не получив отпущения грехов от духовника. Еще немного – и его сердце остановится и, возможно, вечная тьма поглотит его грешную душу без остатка. Отец Гавриил слезно молил великомученицу Варвару простить ему дерзкие мысли о том, что он заслужил мирную, безболезненную смерть. Он просил дать ему умереть непостыдно, исповедавшись у духовника и причастившись Святых Тайн. Ведь милостивая святая не могла не помочь, если, конечно, этому не препятствовал непостижимый промысл Божий. Страх перед посмертными муками придал ему сил, и смерть на время отступила. Тихо было в келье. Время уходило, и отец Гавриил приступил к сосредоточенной молитве – вся его долгая молитвенная жизнь была лишь подготовкой к этому последнему обращению к Богу.

И молитва эта была услышана: коту по имени Мурзик, твари Божией, неразумной и бессловесной, неожиданно стало ясно, что следует сделать.

Если сам он не может вырвать из лап смерти своего кормильца, то это наверняка сделает грозный бровастый дядька «Костыль-нога».

Нужно было мчаться к нему и каким-то образом звать на помощь. Мурзик двинулся было к двери, но внезапно вспомнил о черном коте. Их последняя стычка произошла совсем недавно, и победил в ней черный кот. Теперь он настолько осмелел, что околачивался возле кельи отца Гавриила. Черный кот и смерть, пришедшая за кормильцем, были на сей раз союзниками. Мурзик не мог совладать со смертью, но мог попробовать потягаться с черным котом.

Но тут в сердце Мурзика возникло колебание, которое духовный человек мог бы назвать искушением. Жизнь старика была дорога Мурзику – монах взял его к себе еще котенком и выкормил. Хотя и не без расчета – Мурзик был отличным крысоловом и не подпускал ядовитых ехидн к дверям кельи. Они хорошо ладили друг с другом – Мурзик и отец Гавриил. Но монах иногда уезжал с Афона на месяц, а то и на два, и судьба кота его мало интересовала. В это время Мурзик бродяжничал в окрестностях и однажды, конечно же, с боями, прибил к кухне Продрома. Он выживет, даже если старик умрет. Стоит ли рисковать жизнью – ведь черный кот будет стоять насмерть – из-за человека, которого отметила смерть? Он не настолько любил отца Гавриила, чтобы умирать за него. Можно снова податься в Продром и там отвоевать себе место под солнцем. Будет у него другой кормилец. Лучше, хуже – разница? Главное, чтобы побольше рыбной требухи выбрасывали котам из огромных кастрюль. Тогда и делить будет нечего.

Мурзик колебался минуты две. Потом кормилец страшно захрипел, искушение закончилось и кот со всех ног помчался к келье «Костыль-ноги».

На улице стремительно темнело, и кипарисы уже не казались пассажирам проплывающих кораблей рождественскими елками. Афон напоминал своими очертаниями громадного кита, погружающегося в пучину ночи. Звездам и луне не нужно было указывать коту путь – он хорошо видел то, что было скрыто от глаз человеческих. Кот выбрал не самый короткий путь к келье «Костыль-ноги» – окольную звериную тропу, в надежде, что черный враг не учует его.

Мурзик бежал уже несколько минут, из-за деревьев показалась келья бровастого старца, но тут он почувствовал запах черного кота – к едкому мускусу примешивался запах лютой

ненависти. Черный почуял его присутствие. Мурзик поступал дерзко – он покушался на основы их звериного мира. Наказание за это должно было быть ужасным.

Черный кот был сильнее и крупнее Мурзика как минимум в полтора раза и гнался за соперником изо всех сил. Мурзик напрягся – келья «Костыль-ноги» была уже метрах в пяти, но он чувствовал, что через несколько мгновений черный кот настигнет его и начнется смертельный бой.

Тогда он остановился и дико заорал, как орал только в марте. От неожиданности черный кот опешил и тоже остановился. Это был дикий вопль, способный разбудить и мертвого. Мурзик вопил так, будто его люто пытали. Ошеломленный черный кот не понимал, что ему делать, и только рычал, стоя поодаль.

Наконец дверь кельи открылась, и на пороге появился «Костыль-нога». Черный кот, увидевший своего кормильца, тут же с урчаньем набросился на Мурзика и принялся остервенело драть его обеими лапами. Он словно хотел оправдаться в глазах своего кормильца за то, что подпустил к их келье опасного конкурента. Драка началась не на жизнь, а на смерть. «Костыль-нога» спокойно зашел в келью, вынес оттуда кастрюлю холодной воды и вылил ее на разгоряченных котов. По мнению старца, таким способом можно было остановить любую кошачью войну. И правда – его черный кот скрылся в кустах, но только не Мурзик!

Кот бросился в ноги старцу и снова дико завопил; из его рта от напряжения текла слюна.

Старца прошиб холодный пот – не взбесился ли кот старого Гавриила? Тот уже неделю не просил сделать ему столь необходимый укол инсулина. Может быть, Мурзик, у которого налицо все признаки бешенства, его покусал, и старик в муках умирает у себя в келье? Кот тем временем медленно удалился в ночную тьму, оставив «Костыль-ногу» в напряженных размышлениях.

Так что же произошло в келье отца Гавриила? Они были соседями не один год, близко знали друг друга, бывало, ссорились, впрочем, мирились легко и с удовольствием. Правда, последняя их ссора была скорее спором, принципиальным спором.

Отец Никодим был врачом и сказал старцу при последнем их общении, что тому надо бы увеличить дозу инсулина, чтобы иметь силы содержать келью и исполнять свои молитвенные обязанности. Иначе он скоро свалится и умрет.

– Вот что! – ответил тогда отец Гавриил. – Ты младше меня и не понимаешь многих духовных вещей. Я знаю – ты врач и искренне хочешь помочь мне, но кому как не тебе знать, что увеличение дозы инсулина – признак скорой смерти.

Старец замолчал, не решаясь сказать другу, что отказывается принимать лекарства, потому что не боится смерти.

– Как, отец Гавриил?! Без уколов ты долго не протянешь! Но если ты считаешь, что готов уйти, то сделай это в монастыре и уйди достойно, как схимник, исповедавшись во грехах и причастившись Святых Тайн. Останешься в келье – смерть может застать тебя неожиданно, даже в туалете. Не шути с этим, брат, – тихо сказал отец Никодим.

– Нет, отец Никодим, все наши беды оттого, что мы слишком доверяем мирским вещам. Разве остается после этого в наших сердцах место для Бога? Я родился в день памяти святой великомученицы Варвары, живу в келье рядом с храмом, престол которого освящен в память той же святой. Ты знаешь, что она избавляет от наглой смерти и не дает верующему уйти без покаяния? Так что пусть обо мне позаботится святая, а не твой инсулин.

«Что ж, – подумал тогда Никодим. – Мой сосед старше меня и опытней духовно, не буду настаивать на своем». Так он и ушел, но теперь очень об этом жалел. Хоть внешне они расстались друзьями, отец Никодим затаил в душе обиду на то, что сосед отверг его помощь. Поэтому он решил пока не навещать соседа, надеясь в глубине души, что отец Гавриил передумает и сам прибежит к нему с просьбой сделать укол. Упрямец не появлялся несколько дней – заупрямился и отец Никодим: «Ладно, посмотрим, отец Гавриил, на сколько тебя хватит! Если ты

так надеешься на помощь святых, что отвергаешь помощь друга, то кто я тебе, чтобы читать мораль...»

Сейчас, когда бешеный Мурзик скрылся в кустах, отец Никодим почувствовал угрызения совести. Взяв большой фонарь, он немедленно похромал к келье соседа, где, возможно, его уже ждал хладный труп отца Гавриила. До места он добирался минут десять.

Дверь кельи была открыта. Отец Никодим переступил порог кельи и увидел соседа – тот лежал на постели и почти не дышал. Признаков бешенства у него не наблюдалось, но было ясно, что без инсулина старец умрет в течение получаса.

Отец Никодим хорошо знал, где у старца хранятся лекарства. Набрав в один шприц инсулин, а в другой витамин В-6, монах вернулся в комнату и, сделав уколы, сменил старцу одежду и поставил капельницу.

Наконец через час отец Гавриил пришел в себя.

– Благослови тебя Бог, отец Никодим, дорогой ты мой «Костыль-нога»! Без тебя бы я уже умер! Наверняка тебе явилась святая великомученица Варвара и открыла мое состояние, чтобы ты пришел и спас меня от наглой смерти. Слава Богу!

– Не совсем так, отец Гавриил, – улыбнулся сосед. – Ко мне прибежал твой кот, который вопил как резаный и чуть не выцарапал моему коту глаза. Я даже решил, что он взбесился – так странно он себя вел. Вот и подумал, что у тебя здесь явно что-то неладно.

– Мурзик, что ли, меня выручил? Вот дела! – удивился старец.

Кот же к этому времени благополучно вернулся в келью и уже без страха получить мухобойкой по морде крутился в молельной келье между ног «Костыль-ноги», словно благодарил его за помощь. Бешеным он уже не выглядел, напротив, был довольным и спокойным.

– Он самый, Мурзик, – монах погладил кота. – Я, конечно, не твой духовник, отец Гавриил, но мой тебе совет – не ищущай Господа Бога Своего, продолжай пользоваться лекарствами, и святая великомученица Варвара поможет тебе.

– Да, отец Никодим, спасибо, я понял свою ошибку.

– Не за что, брат, поковыляю-ка я обратно, принесу тебе поесть и еще лекарств...

– Спасибо, дорогой! Знаешь, что еще принеси мне? – старец с любовью глядел на своего кота.

– Что?

– Свеженького молочка для Мурзика.

– Непременно! – «Костыль-нога» рассмеялся и, прихрамывая, вышел из комнаты.

Мать

Она помнила его первые шаги, когда сын, шатаясь на своих пухлых ножках, протягивал к ней ручки, топал-топал и, едва не грохнувшись на пол, попадал в ее объятия. Он был таким красивым, сильным и добрым мальчиком. Он все ловил на лету – все самые добрые слова и красивые движения. От него так и веяло весной, которая хотела, видимо, остаться с ним навсегда. Мать помнила его первое слово – как и у всех других детей, это было слово «мама». Он произнес его и тихо улыбнулся. Матери запала в душу эта улыбка, в ней была какая-то загадка. Она, как и всякая женщина, хотела разгадать все загадки на свете, но эту разгадать ей было не под силу.

Сердце матери вмещало столько любви, что ее хватало на всех, но больше всего она любила его. Казалось, что с самого рождения над ним сияла счастливая звезда, которая никогда не уходила с его небосклона, ни днем, ни ночью.

Ее муж ушел к другой женщине, но она никогда не винила его и считала, что просто не смогла дать ему то, чего он хотел.

– Что ж, рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше, – говорила она подругам. – Но зато у меня есть мой малыш. Она подзывала мальчика и гладила его непослушные кудри:

– Он заполнит мою жизнь с избытком! – И ее подруги не сомневались в этом.

У каждой семьи есть свой маленький рай и маленький ад. Мальчик рос в раю ее любви, ад неустроенной тяжелой жизни она оставила себе. Все свои горести, все свои обиды и разочарования мать никогда не приносила домой. Но ее безмерная любовь не испортила сына.

Мальчик никогда не обижал своих сверстников в детских, подчас жестоких забавах и всегда заступался за слабых.

Он не был паинькой – напротив, его кипучая энергия сделала его лидером дворовых детей и они под его предводительством часто пускались в авантюры, за которые им доставалось от родителей. Доставалось всем, но только не ему. Сыну не нужна был порка: огорченные глаза матери действовали на него сильнее ремня.

Учеба его особо не интересовала, и, как мать ни старалась, учился он с прохладцей. Однако его природные способности не давали ему плестись в хвосте и даже выводили в число первых учеников. Во всяком случае, школу он закончил без единой тройки.

Мать всегда считала, что сын станет великим человеком и она на старости лет будет гордиться им. Не важно, что сейчас у них такая маленькая, как годовалая яблонька, семья. Сын женится, у него появятся такие же талантливые дети. Через несколько десятилетий их яблонька превратится в прекрасное плодовое дерево, которому нипочем будут бури и штормы этой жестокой жизни. Дерево, которое всегда сможет укрыть под своей сенью многих несчастных людей.

Ради осуществления этой мечты она была готова на все. Ее существование, с точки зрения окружающих, было серым и скучным. Она отказалась от личной жизни и никогда не приводила в дом мужчин, потому что не знала, как это воспримет ее любимый ребенок.

Мать с раннего его детства покупала сыну книги на самые разные темы, чтобы выяснить, к чему у него есть склонность. Она недоумевала: мальчика не интересовали ни машинки, ни конструкторы. Рисование и лепка его тоже не увлекли. И лишь хорошо иллюстрированная книга о звездном небе вызвала у него неподдельный интерес. Он попросил купить еще книг о звездах и планетах и читал их буквально в захлеб.

«Неужели он хочет стать астрономом? – думала мать. – Разве в этом его предназначение? Разве это соответствует его дарованию?» Сколько она ни вспоминала, не смогла припомнить ни одного известного астронома. Как она сможет гордиться простым астрономом? Но, может

быть, он хочет стать космонавтом? У него все есть для этого: здоровье, ум, хватка и напористость.

И когда мальчик попросил купить ему телескоп, мать стала копить на эту дорогую игрушку – зарплата младшего научного сотрудника была невелика.

Наконец в одиннадцать лет он нашел под новогодней елкой небольшой телескоп-рефрактор, и радость его была нескончаемой. «Только бы стал космонавтом или, на худой конец, талантливым инженером-конструктором, но не астрономом», – беспокоилась мать.

А потом сын забыл о телескопе и его полностью поглотили улица и девочки. Все это было, естественно для обычного мальчика, но у ее сына должен был быть особый, счастливый путь! Мать недоумевала и немного жалела о деньгах, потраченных на телескоп. Лучше бы она купила сыну хорошую одежду.

Шло время. Мать старела, сын вырос. Он поступил на первый курс престижного университета и часто возвращался домой с цветами для нее.

У него появилась девушка. Красивая, умная, без тех модных увлечений, которыми было околдовано новое поколение. Казалось, мечты матери о прекрасной семейной яблоне скоро начнут воплощаться. У молодых появятся красивые дети, у нее – любимые внуки. Сын станет большим человеком, и ее старость будет спокойной и счастливой, в окружении любимых. Она уже видела, как прорастают ее мечты зелеными ростками в золотое будущее.

Но жизнь сына неожиданно стала меняться. Сначала незначительно: сын просто принес домой Новый Завет. Мать не была религиозна, верила в силу науки, разума и научно-технический прогресс. Она была убежденной атеисткой, и дома никогда не было религиозной литературы. Евангелие сына стало первой христианской книгой в их двухкомнатной «сталинской» квартире с высокими потолками.

Сын стал часами просиживать над этой книгой, как несколькими годами раньше над литературой о звездном небе. Мать забеспокоилась. Она поговорила с подругой сына и выяснила, что той тоже не нравится его странное увлечение.

На его книжной полке появились непонятные книги, на обложках которых были изображены суровые бородатые монахи в черной одежде и с четками в руках. Она читала их имена: Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник, Иоанн Лествичник, Максим Исповедник – и душу ее наполнял непонятный страх.

Книг с портретами суровых старцев становилось все больше. Она боялась их, как древних колдунов, готовых наложить заклятье на ее мечты, сгоравшие в огне, которыми были полны глаза этих чужих ей людей.

Старцы стали невидимой стеной между матерью и сыном. Любовь между ними еще не угасла, но с каждой новой прочитанной им книгой холодок отчуждения становился, как казалось матери, все сильнее.

Однажды, когда сына не было дома, она осторожно зашла в его комнату и дрожащими руками открыла Новый Завет. И первой фразой, бросившейся ей в глаза, была: «И враги человеку – домашние его» (Мф. 10.36).

Мать захлопнула книгу и, бросившись на кровать, заплакала. Чему же учат эти бородатые монахи?! Как может быть, что она, которая с такой любовью растила сына, является врагом ему?

Когда он вернулся из института, мать попыталась серьезно поговорить с ним. Она хотела знать, как далеко ушел сын от того пути, который она предназначила ему в своих мечтах. Разговор вышел ужасным.

Глаза его уже горели, как у старцев из монашеских книг, сын словно забыл о том, что она положила на него жизнь, и убеждал ее понять и принять истину, вечную истину, открывшуюся ему. О том, что мечты ее разбиты, он не думал. Она спорила, пыталась переубедить его, потом плакала. Сын утешал ее, но оставался непреклонен.

Прошла пара недель. Мать решилась на отчаянный поступок. С затаенной ненавистью она подошла к полке с книгами, торжествующе посмотрела в глаза бородатых старцев и, сложив все книги в сумку, спрятала ее в шкаф.

Когда сын вернулся, она сказала, что все, чем он увлекался в последнее время, – антинаучный бред и блажь, что религия вредна для незрелых юнцов. Потом она скрестила руки на груди и твердо заявила, что выкинула все его книги на помойку.

Сын сел на кровать и, сжав голову руками, заплакал. Потом она услышала, как он тихо прошептал: «И враги человеку – домашние его».

Мать разрыдалась, побежала в свою комнату и вернула сумку. Ей стало ясно, что при таком настроении сына ее мечты вряд ли осуществятся.

Затем сын оставил учебу в университете и его бросила подруга. После разрыва с девушкой он сильно переживал, и мать надеялась, что эта первая неудачная любовь образумит его. Но нет. Сын устроился в один из храмов алтарником и отпустил бороду. С матерью он старался быть, как и прежде, обходительным и мягким, но дал понять, что путь, который он выбрал, для него выше всего и решение его не изменится.

Наступило время, когда религия перестала считаться пережитком прошлого, верующих прекратили преследовать и православные перестали скрываться. Мать узнала, что верующими были многие ученые, даже академик Павлов и профессор Лосев.

На следующий год сын поступил в семинарию в Сергиевом Посаде. Мать ездила к нему на выходные и постепенно стала проникаться православием. Бородатые старцы больше не казались ей такими мрачными, и мечты ее вновь воскресли.

Учился сын хорошо и уже дружил с девушкой, которая училась там же на регента. Теперь мать думала, что это очень хорошо и благородно, что сын станет священником. Будет помогать людям, может, от него пойдет новый крепкий священнический род.

Так шли годы.

Сын был уже на последнем курсе семинарии и готовился к рукоположению. Девушка сына была согласна стать матушкой. И мать надеялась, что их семейное дерево теперь начнет расти и плодоносить.

Но все вдруг опять стремительным образом изменилось. Огонь Игнатия Брянчанинова, Иоанна Лествичника, Феофана Затворника, Максима Исповедника и Иосифа Исихаста вновь сжег все ее мечты.

Однажды, когда мать пила на кухне чай, мечтая о будущем, позвонила невеста сына. Девушка сказала, нет, скорее прорыдала, матери нечто, от чего сердце ее сжалось от боли и страха.

Оказывается, ее сын по благословению какого-то старца бросил семинарию и уехал в Грецию на Святую Гору Афон, чтобы стать там настоящим монахом-безмолвником.

Мать не пролила ни одной слезы. Окаменев, она сидела на кухне и понимала, что ее жизнь и мечты сгорели. В этот момент она почти ненавидела сына, который так жестоко поступил с ней.

Ведь она отдала ему свою жизнь, а он разрушил ее мечты и не захотел посвятить себя ее старости.

Целый год от него не было известий. За это время мать успокоилась и смирилась. Чтобы быть хоть как-то ближе к сыну, она стала ходить в храм, исповедоваться и причащаться. Когда она молилась Божьей Матери, то верила, что сын находится у Нее под присмотром. Она просила Пресвятую Деву помогать ему в скорбных монашеских трудах. И постепенно она начала обретать некую молитвенную связь с сыном, словно ее молитвы оберегали его там, на Афоне, а его молитвы сохраняли ее здесь от всякого зла. Мать покорила своей судьбе и пошла преподавательницей в воскресную школу.

Наконец пришло первое письмо. Прижав его к сердцу, она не сразу решилась открыть конверт. Но уже через минуту она вчитывалась в скупые слова и словно слышала родной голос.

Он писал, что стал послушником в греческой келье, и старец кельи, во избежание новоначальных искушений, год не разрешал ему связываться с ней, чтобы ее письма, полные скорби и любви, не побудили его уклониться от избранного пути.

За этот трудный год он укрепился в своем выборе и хотел остаться на Афоне до конца своих дней. Сын просил, чтобы ее письма не были печальными, кратко отражали состояние ее дел и приходили бы не чаще четырех раз в год. И никаких фотографий. Еще он просил ее больше молиться за него, потому как Афон – это место постоянных искушений.

Она молилась, как могла, и в молитве за сына находила настоящий покой и утешение. Иногда в храме женщины обсуждали ее:

– Вот уж ей повезло, ее сын подвизается на самом Афоне. Вымаливает весь род.

Не знали они, как болело по сыну материнское сердце. Как он там, в чужой стране? С суровым старцем? В лишениях и скорбях, ее любезный сын.

Так прошло еще несколько лет. Мать, бывшая атеистка, преподавала в воскресной школе Закон Божий, сын был уже пострижен в схиму¹ и носил другое имя. Он изучил греческий язык и, по благословению старцев, стал переводить святогорскую литературу. Она покупала переведенные им книги и чувствовала в каждой строке его талантливую чистую душу.

Теперь она понимала, что выбор ее сына был правильным, а ее мечты – себялюбивыми. Она хотела счастья только для себя, а он стал молитвенником за весь мир. Теперь она гордилась его выбором, выбором, который так изменил их жизнь. Вскоре мать стала директором воскресной школы. Она умела любить и научилась терпеть, и когда объясняла ученикам Закон Божий, ее нелегкий душевный опыт помогал сделать Закон близким и понятным детям.

Но человек – существо недолговечное и подверженное болезням. Мать уже несколько раз попадала в больницу с сердечными приступами. Ей очень хотелось хотя бы перед смертью взглянуть на своего сына, увидеть, каким он стал. Это была ее последняя мечта.

Не выдержав сердечной тоски, она нарушила запрет старца и сообщила сыну о своей болезни. Написала и о том, что, возможно, жить ей осталось немного. Пусть он только попросит старца разрешить ей приехать в Грецию и в последний раз повидаться с ним. Может, геронта, и согласится с желанием умирающей матери. Она обещала держаться изо всех сил и не пролить при встрече ни одной слезы.

Вскоре сын прислал ответ. Он дал обет Матери Божьей никогда не сходить с афонской земли, а женщин, как известно, на Афон не пускают. Но его старец счел желание матери законным и придумал, как они могут встретиться.

У него был друг, капитан парома «Достойно есть», который возил паломников на Святую Гору.

Мать должна будет коротко остричь волосы и переодеться в мужчину. Потом она свяжется с капитаном (сын прислал номера телефонов), и тот спрячет ее в своей рубке. Когда паром достигнет арсаны, то есть пристани древней Кавсокаливии, где и подвизался сын, капитан скажет всем, что на катере поломка. Так что у берега они будут стоять минут десять. В это время мать и сын могут встретиться на борту парома. Закон Святой Горы, как и обет молодого монаха, по мнению старца, не нарушится. Ведь мать не ступит на Афон, а сын также не выйдет с Горы, так как паром будет пришвартован к берегу.

¹ В русской традиции под «схимой» понимают «великий ангельский образ» или «великую схиму» – монашеский постриг с особо строгими обетами и правилами. На Афоне «схима» означает как «великий», так и «малый ангельский образ», то есть «обычный» в нашем понимании монашеский постриг.

Мать с великой радостью приняла это предложение старца. Она заняла денег, приехала в Грецию, добралась до Салоник, где встретила с капитаном парома, жена которого была понтийской гречанкой и хорошо знала русский язык.

И вот наступил долгожданный день. Мать, переодетая мужчиной, чтобы не стать соблазном для паломников, сидела в рубке капитана и, предвкушая встречу, глядела в окно.

Кавсокаливия была последней остановкой парома. Мать смотрела на гористые берега зеленого Афона, где осуществились мечты ее сына, которому, видимо, было от рождения предназначено Богом стать святогорцем.

Она много раз видела эти берега и монастыри на фотографиях и могла назвать каждый из них по имени. Вот, сразу после Дафни – монастырь Симонопетра, стоящий на скале, потом маленький Григориат, затем суровый Дионисиат.

Наконец через час паром пристал к арсане Кавсокаливии. В этот день паром не должен был здесь останавливаться, поэтому никто не вышел на берег и никто не взошел на борт.

Мать волновалась и все порывалась подойти к самому борту. Может быть, старец указал другой день? Капитан не мог удержать мать, и она, стоя у борта, нетерпеливо вглядывалась в берег. Но перед нею были лишь пологая красноватая скала и несколько каменных стен-бизюль. Море било об арсану, и капитан обеспокоено смотрел на часы.

Наконец капитан обескуражено развел руками, показывая всем своим видом, что время истекло и пора отправляться назад.

Паром тронулся в обратный путь. Мать потерянно стояла у борта и глядела, как мотор вспенивал воду моря.

И тут сын вышел из-за каменной бизюли и сказал то, что можно было только почувствовать, а не услышать из-за шума мотора. Он сказал: «Мама», – и море озарилось ярким светом ее счастья.

Сейчас он был похож на бородатых старцев-черноризцев из своих книг, очень похож. Она протянула ему руки, как бы желая в последний раз обнять его.

Паром все дальше уходил от берега, медленно отдаляя ее от сына. Мать взглянула ему в глаза и увидела в них тот огонь, что сжег все ее мечты.

Теперь она знала, что это за огонь.

Это было пламя вечной любви.

«Брак лакерды»

– Пьем водку, пьем ром, а в Россию не пойдем, – старец Никанор карульский очень любил эту шутку, потому как полагал, что Третий Рим навсегда пал, несмотря на пророчество старца Псковского монастыря Филофея. Он не хотел возвращаться домой и в узком кругу любил говорить: «Где хорошо – там и родина».

Никанор официально принадлежал к Русской Православной Церкви Заграницей и люто ненавидел «красных» попов, почти так же, как Иуду. Может быть, даже больше, потому как последний, по мнению старца, не до конца понимал, что он делает, а эти предатели, зная истину, пошли на сделку с коммунистическим сатаной.

После публикации в Америке дневника его духовного отца Феогноста, в котором старец раскрывал секреты умного делания, к Никанору потянулись русские эмигранты, желавшие помочь ему и другим оставшимся на горе старым монахам выжить. Эмигранты привозили спиртное, сутаж для плетения четок, одежду, деньги и покупали у стариков духовную литературу. Вырученные средства помогали старцам хоть как-то перебиваться и не умирать с голоду.

Отец Никанор жил здесь очень давно. Он был так стар, что как-то видел в Петербурге святого царя Николая на военном параде, о чем всегда охотно рассказывал своим посетителям. На Афон он попал весьма необычным образом.

Нынешний схимник Никанор был когда-то рядовым Захаром и воевал в рядах русской армии. Первая мировая война занесла его на Балканский полуостров, где он сражался в составе 2-й Особой пехотной бригады против болгар, присоединившихся к германской коалиции. Он всегда с особенным чувством вспоминал тот давний разговор со своим сослуживцем, умершим несколько лет назад здесь же, на Святой Горе. Разговор, который заставил их покинуть линию фронта.

Шли бои в Македонии – спорных землях трех балканских государств. Солдаты давно не мылись, не могли как следует поесть и поспать. Прекрасная горная природа давно уже перестала радовать взор, брынза и орехи приелись. Солдаты грезили о родных лесах и полях. Огромный хребет Шар-Планины казался им горой смерти.

В тот день они лежали в грязном окопе, сжимая в руках винтовки. Вокруг стоял сырой туман, скрывавший все вокруг. Моросил дождик, медленно превращавший глину под ногами в скользкое месиво.

– Слушай, Антип, а что это болгары поперли против нас, не мы ли их спасли от турков?

– Да мы, кто же еще, Захар! Спасли «братушек» на свою голову, а они нам здесь свинцом отплачивают. Мне наш поручик объяснил: братья сербы захотели себе Македонию взять, а болгары считают эти земли своими и плевать им на панславянское государство, которое сербы выдумали. Вот и стали болгары союзниками немцев. Из-за какого-то каменистого куска земли, где ни картошки не посадишь, ни пшеницы не посеешь, весь сыр-бор и вышел. Славяне, христиане православные бьют друг друга, как какую-то лютеранскую немчуру!

– Да болгары никакие и не славяне! Зря мы их вообще освободили.

– А кто же они тогда?!

– Поручик говорит, что сущие турки.

– Турки? Надо же! А лопочут почти по-нашенски.

Редкие пули свистели в воздухе, и русские солдаты лениво заряжали свои винтовки и стреляли в направлении невидимого противника. Никто не хотел воевать и наступать – просто палили бесцельно с обеих сторон, потому что таков был приказ.

– Слушай, а зачем убили этого Хфердинанда?

– А Бог его знает, – Захар вглядывался в туманную даль, надеясь хоть что-то разглядеть. – Антип! У тебя махорка еще осталась?

Захар с утра выпустил уже шесть пуль и законно считал, что на сегодня воевать хватит.

– Давай, брат, подсмолим дышалку, – сослуживцы сели на дно окопа и скрутили две «козых ножки».

– Ты, Захар, слушаешь агитаторов?

Даже на южном фронте революционные идеи уже пустили свои побеги, и больше всего привлекал солдат лозунг: «Штыки в землю – и по домам!».

– Я думаю, брат, они, хоть и подлецы, во многом правы: на кой нам сдалась эта война?

– Война-то она, конечно, никому уже не нужна. А вот отец Елифаний говорит, что агитаторы эти – слуги самого дьявола. Правда, он и Керенского не жалуется. Тот тоже, вроде, безбожник.

Захар вновь зарядил винтовку, поднялся и выпустил пулю вдогонку усиливающемуся ветру.

– Да уж! Бога эти нечестивцы точно не признают. А что же мы тогда воюем за такое правительство?

– А куда пойдем, Антип? Домой, к Керенскому? Так за дезертирство расстрел полагается.

Солдаты скрутили из листов полкового устава еще по одной «козьей ножке» и снова задымили.

– Может, в монахи подадимся? Мы же почти у самого Афона.

– Ахфона? Это Святой Горы, что ли?

Антип был курянин и произносил букву «ф» как «хф», что всегда смешило его друга.

– А что, мысль хорошая.

С этого момента друзья стали планировать побег. Через неделю они на золотой рубль, который Антип хранил на всякий случай, купили недельный запас продуктов и пошли по направлению к греческой границе. Многие мытарства пришлось им перенести, прежде чем добрались они до Святой Горы! Но дело того стоило – Захар дожил до глубокой старости, став схимником с именем Никанор и даже почитаемым в Америке и Европе православным старцем.

Но вначале все было непросто. Солдаты поселились в скиту Крумица, что находится почти рядом с Уранополисом, и прожили там три года. Захару не нравилось, что здешние монахи почти не молились, а только работали и ели.

– Почему вы не учите нас творить Иисусову молитву? – как-то раз пристал он к самому скитоначальнику. – В Добротолюбии даны указания, что настоящий монах должен изучить художественную молитву. Это, так сказать, цель всего монашеского пути. А мы только работаем, словно миряне. Даже мясо едим, а в Добротолюбии написано, что...

Отец Дорофей, скитоначальник Крумицы, не любил настырного послушника. Осторожно, пытаясь не выказать неприязни, старый иеромонах пытался вразумить бывшего солдата:

– Ты только думаешь, Захарка, что ищешь истину, но на самом деле твое не очищенное от мирских страстей сердце желает быть отличным от других монахов. Неужели думаешь, что ты, который еще вчера позорно бежал с фронта, курил махорку и пил вино в кабаках, умней и опытней нас, которые уже состарились на Горе? Как будто только ты понял смысл Добротолюбия, а другие отцы слепы? – Дорофей на секунду задумался. – Такой же горделивый дух был и у имяславцев. Их даже пришлось изгнать с Афона при помощи войск, настолько они ослепли в своем безумии. Так что помни: основа монашеской жизни не молитва, а послушание. Делай, что тебе говорят и, Бог даст, войдешь в Царствие Небесное.

Пожилой скитоначальник благословил Захара и неторопливо пошел дальше по своим делам.

Но пытливого Захара не устроило такое объяснение. Через какое-то время он, оставив своего друга Антипа в Крумице, поселился в келье Иверской иконы Божьей Матери, в которой жил суровый старец Феогност. Келья находилась в самом суровом месте Афона – в скиту

Каруля. Скит представлял собой прилепившиеся к скалам, похожие на ласточкины гнезда, домишки келий. Лишь сильные духом и телом могут избрать для жительства эти дикие места. От кельи до кельи можно добраться только держась за специальные цепи – иначе рискуешь сорваться в пропасть. Каруля взрастила немалое количество подлинных подвижников, одним из которых и был незабвенный старец Феогност.

Он был настоящим подвижником, но обладал при этом раздражительным характером и крутым нравом. Послушники у него не задерживались, только Захар, испытав непритворную любовь старца к молитве, все терпел и смирялся. В конце концов отец Феогност привык к нему, и они прожили вместе десять лет до самой кончины старца.

Отец Никанор принял от учителя схиму, келью и молитву, которой тот его обучил. Единственное, что послушник не мог перенять от своего старца, так это его терпимость к советскому государству. Когда Захар начинал хулить «красных» попов, Феогност обычно говорил: «Брак лакерды». Эта было одно из присловий в Иверской келье. Переводилось оно с турецкого как «плохие слова». Так подвижники контролировали друг друга, если кто-нибудь из них вдруг впадал в грех осуждения.

– Батюшка, причем здесь «брак лакерды», ведь в этом бесовском Советском Союзе уже нет Церкви: все верные претерпели мученический конец от красного дьявола. А те попы, которые входят в «московскую патриархию²» – это же настоящие еретики! Я сам видел журнал с фотографиями заседания их «синода»: в зале, обитом красной парчой, выступает «митрополит», начиная свою речь словами: «Как говорит наш великий вождь Иосиф Сталин», – а портрет этого безбожного вождя висит вместо иконы. Тьфу! Это же натуральное безобразие!

Старец, который мог придти в гнев даже из-за неправильно положенной вещи, с большим терпением объяснял своему послушнику:

- Захар, разве Господь учил нас выносить свой суд?
- Да я, отец, не сужу, но эти «красные попы»...
- Брак лакерды!

Захар уже сколько раз замечал, что его старец словно не видел отступлений советских архиереев, подписавших декларацию митрополита Сергия и даже, казалось, сочувствует им.

Послушник почитал своего старца, но отнюдь ему не раболепствовал, имея на многие вопросы свое мнение. После того, как отец Феогност постриг Захара в монашество, прежние их отношения – отношения ученика и учителя – стали другими: теперь они вели подвижническую жизнь по взаимному совету. Никанор часто спорил со старцем и давал ему советы даже относительно Иисусовой молитвы, которую любил и практиковал долгие годы по Добротолюбию.

Теперь он сам старец кельи и имеет послушника. Сегодня отец Никанор должен принять двух русских паломников из Америки: иеромонаха из Джорданвилла с духовным чадом и одного священника из Англии, принадлежавшего Московскому Патриархату. Отец Никанор был человеком гостеприимным, но ему не хотелось принимать у себя в келье «красного попа».

Старец размышлял: «Сталин уже давно умер, но Церковь в советской России находится под «омофором» КГБ. Как может в такой Церкви быть благодать? Скоро, по слухам, Советы должны послать первую партию священников из оставшихся действующих монастырей, чтобы возобновить подвижническую жизнь в афонской русской Свято-Пантелеимоновой обители. Греки заранее были предубеждены против этих новых русских, считая, что на Горе скоро появится советские агенты. Конечно, это все «брак лакерды», но их версия не лишена оснований...»

² Понятия «Московская Патриархия» и «Московский Патриархат» часто путают или считают, что никакой разницы между ними нет. Но Московский Патриархат – это второе название Русской Православной Церкви, в котором указывается престольный град Поместной Церкви – Москва и тип канонического управления – Патриархат (в отличие от митрополии или епископии), тогда как Московская Патриархия – это особый штат сотрудников при Патриархе, помогающий Предстоятелю Церкви решать текущие вопросы церковного управления.

Отец Никанор глядел, как приближается старый рыбацкий баркас его давнего друга Сотириса. Рыбак жил в Ериссо и, помимо основной профессии, занимался морским извозом – доставлял паломников на Святую Гору. Сотирис причалил к карульской арсане; из обшарпанного баркаса вместе с рыбаком вышли, как и предполагалось, два священника и мирянин.

– Мир дому сему! – ступив на святую землю, паломники приветствовали улыбающегося старца в поношенной схиме поверх рясы.

– С миром принимаем.

Отец Никанор поправил очки с толстыми линзами и внимательно посмотрел на гостей. Затем, отпустив Сотириса, обещавшего вернуться за паломниками завтра, пригласил их в келью. Гости, захватив подарки, последовали за старцем. Держась за страховочные цепи, потянулись они к старой келье Иверской иконы Божьей Матери.

– Будьте осторожны, дорогие, крепче хватайтесь за цепи и смотрите под ноги – здесь очень опасные тропы.

Паломники и не заметили, как дошли до места. Угрюмые карульские скалы с редкой колючей растительностью скрывали за собой деревянную избушку с куполом – келью Иверской иконы Божьей Матери. Старец толкнул дверь.

– Вот мы и дома.

Гости вошли в келью, оказавшуюся внутри еще более скромной, чем снаружи. Хозяин усадил их за стол и вынес тарелку с лукумом и три рюмки анисовой водки³. Паломники помолились перед едой и принялись за угощение.

Отец Никанор знал пятидесятилетнего иеромонаха Доримедонта из Джорданвила и его духовного сына Николая, потомка древнего дворянского рода – они посещали его уже третий раз. А вот «красного» священника он принимал у себя впервые. И чего Доримедонт привез его к нему, ведь он-то неоднократно слышал, как старец хулил советскую власть и продавшуюся ей Московскую Патриархию?

– Отец Никанор, позвольте вам представить отца Петра, ему скоро предстоит служение в Лондоне. Сейчас Московский Патриархат выходит на международный уровень и ему необходимо пересмотреть свое отношение и политику по некоторым принципиальным вопросам. Вот отец Петр и хотел бы познакомиться с афонской духовностью.

Паломники с интересом осматривали жилище подвижника. Низенький деревянный стол, пять стульев, ложки, висящие на стене, старая русская печь, чугунные котелки; все было почти так, как при старце Феогносте, только несколько новых картин с афонскими видами украшали избушку. Но в этой простоте была особая красота, что сразу же почувствовали паломники. Примерно такое же чувство охватывает людей, которые смотрят на древние чудотворные иконы. Иные иконы не имеют красоты в художественном смысле: их лики темны от старости, и, по мнению атеистов, некрасивы. Но благодатная сила, присущая чудотворным иконам, пробуждает у людей другие, духовные чувства.

Отец Никанор не раз убеждался, что Афон действует на людей подобно чудотворным иконам, пробуждая в них высокие чувства. Иногда эти возвышенные чувства паломников не совпадали с чувствами старожилов, привыкших к святому месту. Отец Никанор в этом случае часто шутил: «Одно дело – туризм, другое – эмиграция».

Схимник не хотел нарушать сложившиеся давным-давно на Афоне традиции гостеприимства и решил сдерживать свое нерасположение к «красной Церкви». Он с долей иронии посмотрел на отца Петра.

– Как там Россия-матушка поживает? Выполняете ли пятилетку? – старец немного нахмурился. – В церкви-то ходят еще или все переломали?

³ Небольшое количество анисовой водки и лукум (восточные сладости) – традиционные афонское гостеприимство.

– Да вроде ходит народ. После войны многие уверовали. Сейчас чуть хуже, – священник чувствовал себя неловко и смущенно тербил в руках кипарисовые четки. – Меня ждет в Лондоне ответственное служение, и я приехал вместе с моими американскими друзьями в этот святой удел Матери Божьей, чтобы попросить у Пресвятой благословения на свой труд.

Старец немного успокоился. Этот Петр был не так уж и страшен.

– Хорошо, хорошо... Я одно время жил в Москве. Но как давно это было. Я ведь покинул Россию еще до революции и даже видел самого святого императора Николая.

Никанор подчеркнул этот факт намеренно, желая поддеть «красного» попа: их Церковь упорно молчала о своем отношении к последнему царю Российской Империи.

– Хм? Правда? – иерей покраснел и неловко кашлянул в кулак.

Установилось долгое молчание. Все понимали, из-за чего оно возникло, но никто не решался первым нарушить его.

Отец Никанор обычно после традиционного угощения вел своих гостей в небольшой храм, где они служили молебен, но как он приведет туда этого московского иерея и будет с ним молиться? Лучшее средство от неловкости – искренность.

Стараясь сохранить дружелюбие, хозяин сказал московскому гостю:

– Вы простите, отец Петр, но я не могу повести вас в храм и молиться с вами...

– Я понимаю вас: церковная дисциплина обязывает, – сказал отец Петр и смущенно улыбувшись, поправил окладистую бороду.

В душе отца Никанора поднялась привычная волна негодования против советской власти и Московского Патриархата. Но сейчас он вдруг вспомнил своего старца и поставил гневным помыслам преграду:

– Брак лакерды.

– Что вы сказали?

– Да нет, это просто у нас со старцем Феогностом была такая присловица.

Никанор поставил чайник на «газаки» – газовый баллончик с горелкой, вспомнил свои давние споры со старцем и улыбнулся.

Отец Петр неожиданно искренне улыбнулся в ответ и выдохнул:

– Быть может, отцы, мы когда-нибудь и сможем понять друг друга?

Все опять замолчали. Старец задумался и перевел взгляд на гостей:

– Богу все возможно... А пока давайте пить чай!

Солнце уже клонилось к закату, поднимался южный ветер, который всегда гнал большую волну. Афон стоял и будет стоять твердыней света среди веков и континентов, напоминая миру о бренности всех человеческих споров и трений, о вечном превосходстве Божьей любви над человеческой ненавистью.

Доминиканец

Сегодня небо было серым и задумчивым, обрывки туч сбивались в свинцовые стаи, воздух был влажным и солоноватым, морось заставляла старого монаха поеживаться и сильнее кутаться в рясу. Монах со странным для Афона и вообще для православия именем Ансельм задумчиво наблюдал за рокочущими волнами, разбивающимися о пирс. Хотя и страшно было море в гнев своем, но эти раскатистые волны могли погубить лишь тело, тогда как житейское море легко могло поглотить и самую осторожную душу...

Отец Ансельм тяжело вздохнул, скорбя о своих грехах. Будущий афонит⁴ родился в простой католической семье, вырос набожным католиком и был пострижен в монахи в одном из доминиканских⁵ монастырей, где затем провел много лет. До сих пор Ансельм с любовью вспоминал свою келью, где проводил все свое время в молитве.

Так бы и окончил отец Ансельм свои дни в тихой доминиканской обители, если бы однажды аббат монастыря не поручил монаху одну важную миссию, справившись с которой, он мог бы считать свой жизненный путь пройденным не зря.

Но опытный, уже пожилой католический монах-доминиканец успешно провалил эту миссию...

Отец Ансельм невольно улыбнулся, вспоминая, как он с готовностью и радостью от того, что сможет пожертвовать своим покоем ради Христа, согласился на миссионерскую деятельность. Ему нужно было вести проповедь в странах центральной Африки, борясь с прозелитизмом греков. Нельзя сказать, что он в первый раз тогда услышал это слово – Афон: отец Ансельм был специалистом по греческому языку и истории Византии, а потому много знал об этом месте. Его мать была гречанкой, а отец сицилийцем. Детство будущий монах провел в Палермо, закончил с отличием колледж, а затем католический университет в Милане, получив степень магистра богословия. Его, вне всякого сомнения, ожидало блестящее будущее, но вскоре после выпускного вечера Лучиано – так его звали тогда – облачился в доминиканскую рясу с капюшоном, подпоясанную кожаным поясом: он стал послушником.

⁴ Монах, живущий на Афоне.

⁵ Доминиканский орден монахов-проповедников был создан в 1214 г. святым Католической Церкви Домиником для борьбы с еретическими движениями, которые в великом множестве возникали в средневековой Европе. В отличие от православия, в католицизме существует несколько направлений монашества: бенедиктинцы, доминиканцы, францисканцы, иезуиты, тамплиеры и т. д. У каждого ордена свой устав и своё направление деятельности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.